Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 3 (27), 2024.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-210-227
https://elibrary.ru/MQFWZA

© 2024. Павел Фокин
Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, Москва, Россия
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия

Достоевский и Александр Зиновьев: параллели и пересечения

© 2024. Pavel E. Fokin
Vladimir I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature, Moscow, Russia
Fyodor Dostoevsky Russian Christian Academy for Humanities St. Peterburg, Russia

Dostoevsky and Alexander Zinoviev: Parallels and Intersections

Информация об авторе: Павел Евгеньевич Фокин, кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе, Государственный музей истории российской литературы им. В.И. Даля, Зубовский бул., д. 15, стр. 1, 119021, г. Москва, Россия; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, наб. Фонтанки, д. 15, 191023, г. Санкт-Петербург, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-4958-859X.
E-mail: pfokin@mail.ru

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01735, https://rscf.ru/project/23-28-01735/; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Аннотация: С творчеством Достоевского Александр Зиновьев (1922–2006) познакомился в отрочестве, которое пришлось на период становления советского строя в России. Это обстоятельство отразилось на специфике восприятия Зиновьевым произведений Достоевского. Он проделал эволюцию от скептицизма и непонимания к принятию и сочувствию. Этому опыту постижения Достоевского посвящено эссе Зиновьева «Легенда о великом страдальце» (1981). Зиновьева привлёк опыт духовного поиска Достоевского. Писатели разных исторических эпох и эстетических систем, Достоевский и Зиновьев близки в их неустанном поиске разгадки «тайны человека», которая обоих привлекала

с юношеских лет и не оставляла до конца жизни. Для Достоевского она была заключена в тайне личности, для Зиновьева — в тайне общества как коллектива личностей. Имея большой опыт жизни в России и на Западе, оба писателя в качестве универсального материала для своих исследований однозначно выбрали русский народ и его историческую судьбу. Наследие Зиновьева не столько развивает, сколько дополняет открытия, сделанные Достоевским.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, А.А. Зиновьев, русская мысль, типология, художественный метод.

Для цитирования: *Фокин П.Е.* Достоевский и Александр Зиновьев: параллели и пересечения // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 210–227. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-210-227

Information about the author: Pavel E. Fokin, PhD in Philology, Deputy Director, Vladimir I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature, Zubovsky Boulvard, 15, Bld. 1, 121069 Moscow; Fyodor Dostoevsky Russian Christian Academy for Humanities, Fontanka Emb., 15, 191023 St. Peterburg, Russia.

https://orcid.org/0000-0003-4958-859X.

E-mail: pfokin@mail.ru

Acknowledgements: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation no. 23-28-01735, https://rscf.ru/project/23-28-01735/; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Abstract: Alexander Zinoviev (1922–2006) got acquainted with Dostoevsky's work in adolescence, which fell during the period of the formation of the Soviet system in Russia. This circumstance was reflected in the specifics of Zinoviev's perception of Dostoevsky's works. He has evolved from skepticism and misunderstanding to acceptance and empathy. Zinoviev's essay "The Legend of the Great Sufferer" (1981) is dedicated to this experience of comprehending Dostoevsky. Zinoviev was attracted by the experience of Dostoevsky's spiritual search. Writers of different historical eras and aesthetic systems, Dostoevsky and Zinoviev are close in their relentless search for the solution to the "mystery of the human being", which attracted both from their youth and did not leave until the end of their lives. For Dostoevsky, it was enclosed in the mystery of personality, for Zinoviev, in the mystery of society as a collective of personalities. Having extensive experience of life in Russia and in the West, both writers unequivocally chose the Russian people and its historical fate as a universal material for their research. Zinoviev's legacy does not so much develop as complement the discoveries made by Dostoevsky.

Keywords: F.M. Dostoevsky, A.A. Zinoviev, Russian thought, typology, artistic method.

For citation: Fokin, P.E. "Dostoevsky and Alexander Zinoviev: Parallels and Intersections." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 3 (27), 2024, pp. 210–227. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-210-227

Между Александром Зиновьевым (1922–2006) и Достоевским пролегло ровно сто лет. Россию Достоевского от России Зиновьева отделила великая революция, поменявшая в корне социально-политическую организацию страны. Но оба они были «русскими мальчиками», искавшими истины, оба, пройдя через суровые жизненные испытания, стали пророками и провидцами, чьи откровения поражают глубиной и точностью.

В последнее время имя Достоевского всё чаще возникает в работах исследователей творчества Александра Зиновьева (см., напр.: [Даренский, 2022], [Васильев, 2023], [Зябликов, 2023]). О типологической близости выдающихся русских мыслителей и писателей состоялся содержательный разговор во время круглого стола «Пониматели России: Достоевский, Бердяев, Зиновьев», прошедшего в стенах музейного центра «Московский дом Достоевского» в 2022 году [Пониматели России, 2023]. Есть все основания для более обстоятельного и детального обсуждения этой темы. В предлагаемой статье обозначены её ключевые узлы и основные направления рефлексии.

В 1981 году исполнилось сто лет со дня смерти Достоевского. По этому случаю парижский литературный журнал «Le nouvel observateur» в своём январском выпуске опубликовал подборку эссе о Достоевском русских писателей-эмигрантов. Среди её авторов Е. Эткинд, В. Некрасов, А. Синявский, Л. Поляков, В. Волков. В их числе и Александр Зиновьев с эссе «La légende du grand souffre-douleur» («Легенда о великом страдальце»). Русский текст статьи появился в 1983 году в сборнике Зиновьева «Ни свободы, ни равенства, ни братства: Статьи, публичные выступления и отрывки из выступлений в 1980–1981 гг.» (Лозанна, «L'Age D'Homme»).

С произведениями Достоевского Зиновьев познакомился ещё в отрочестве, когда, будучи страстным читателем, добрался до кладезей московских библиотек и запоем читал всё, что мог в них получить. Вспоминая эти годы, Зиновьев писал: «В читальнях меня признали как одержимого книгами и пускали в книгохранилища, где я часами просматривал книги и выбирал заинтересовавшие меня. Невозможно подсчитать и перечислить все книги, которые я прочитал. Многие из них я перечитывал по несколько раз. <...> Нет надобности перечислять имена — я перечитал всех великих писателей прошлого и признанных ещё живших тогда писателей <...>»

[Зиновьев, 2005, с. 94]. Примечательно добавление: «Значительную часть нашей духовной жизни составляла дореволюционная русская литература. <...> Я лично не относил её к прошлому. Она была для меня спутником в моей повседневной жизни» [Зиновьев, 2005, с. 95].

Среди любимых авторов юного Зиновьева были, с одной стороны романтические одиночки, такие как Лермонтов, с другой — острословы и критики: Грибоедов, Салтыков-Щедрин, Чехов. «Тургеневым, Достоевским и Толстым не увлекался, хотя читал их», — признаётся Зиновьев, при этом он «помнил наизусть многие куски из “Войны и мира”, “Легенду о великом инквизиторе” из “Братьев Карамазовых” <...>» [Зиновьев, 2005, с. 95].

Свидетельство Зиновьева о том, что текст «Легенды о великом инквизиторе» он в отрочестве знал наизусть, показательно. Наряду с теорией Шигалева в «Бесах» и отдельными главами «Дневника писателя», «Великий инквизитор» представляет собой один из главных текстов Достоевского, непосредственно относящихся к проблематике социального устройства общества и механизмов его управления — тех самых вопросов, которые тогда уже волновали юный ум Зиновьева и которые впоследствии стали предметом его профессионального интереса.

Изощрённая казуистика великого инквизитора не могла не поразить своей логической выстроенностью и обоснованностью. Достоевский достиг здесь вершины в изображении страстного мыслителя-фанатика, продумавшего и отточившего за девяносто лет неутомимых размышлений каждый свой довод и аргумент. Этому можно было поучиться.

Увидел ли тогда подросток Зиновьев лицо Пленника, Его исполненный молчаливым смирением и силой Истины лик? Возможно, в условиях яростного атеизма и оголтелого безбожия 1930-х годов Пленник мог показаться ему фигурой менее яркой и не столь значительной, чем старик инквизитор. Но годы спустя личность Христа, Его образ и подвиг будут чрезвычайно интересовать Зиновьева и, думается, среди главных источников его рефлексии «Великий инквизитор» Достоевского занимал не последнее место. Неслучайно он назвал своё эссе «Легендой о великом страдальце», выставив на первый план не истязателя, а его жертву.

Он начинает эссе с покаяния: «Я чувствую себя виноватым по отношению к Достоевскому. И пользуюсь случаем, чтобы покаяться.

В юности я читал Достоевского с большим усилием воли. Он напоминал мне колдуна, который совершает множество бессмысленных действий, не отдавая себе отчёта, какое из этих действий принесёт выздоровление больному и принесёт ли вообще. Я воспринимал его книги как интеллектуальную распущенность и как ложь о русском человеке и России» [Зиновьев, 1983, с. 70].

С брезгливостью констатирует Зиновьев тот факт, что Достоевский стал модным писателем, упоминание о котором даёт говорящему право считать себя высокодуховной личностью. Пошлость таких почитателей Достоевского коробит Зиновьева: «В течение своей жизни я встречал много людей, претендующих прослыть умными, образованными, талантливыми, прогрессивными, которые при звуке имени Достоевского закатывали глаза и разражались высокопарными фразами. Я этим людям не верил. Я знал, что их души пусты, а сердца холодны. И глаза они закатывали вовсе не ради Достоевского, а чтобы себя показать, и чтобы, прикрываясь великими именами прошлого, принижать своих талантливых современников. Я называл им имена современных русских писателей, а от них в ответ слышал: чепуха! Достоевский — вот это да! И в этом “вот это да!” мне слышалось “не допустим!”. Если бы построить детектор искренности, с помощью которого можно было бы отделить искренних почитателей гения от спекулянтов на его имени! Многие ли рискнули бы пройти проверку на таком детекторе?!» [Зиновьев, 1983, с. 70].

Но пустозвоны и пошляки, унижающие подвиг гения, это только полбеды. Ещё большее неприятие вызывают у Зиновьева те, кого он называет «окололитературными шакалами», кому и вовсе нет дела до подвига, а есть лишь эгоистическое желание поживиться за счёт бессовестной эксплуатации чужих трудов, и кто в угоду своим интересам готов на любое искажение и ложь. «Сколько приходилось слышать и читать слов о Достоевском! — восклицает Зиновьев. — И в этом океане слов я не могу припомнить ничего такого, что врезалось бы в душу. У меня всегда было такое ощущение, будто человек сделал одно великое дело, а его превозносят за всяческие пустяки, которые он делал плохо и в которых он не был оригинален. Мне всегда казалось, что Достоевский есть жертва окололитературных шакалов, которые любят терзаемую ими жертву, поскольку от неё можно оторвать для себя кусок, и которые оторванный ими кусок жертвы выдают за целое». [Зиновьев, 1983, с. 70–71].

Вспоминая и анализируя свой опыт общения с Достоевским, Зиновьев признаёт, что ему долго не хватало понимания сути этого великого явления русского духа. Оно представало в искажённом, фантастическом виде: «Но я не смог уклониться от книг Достоевского. И я изобрёл для себя красивую, как мне тогда казалось, концепцию. Достоевский, — решил я, — есть нечто вроде колдуна. Нелепо искать истину в колдовских манипуляциях. Цель колдовства не врачевание и не познание. Болезнь есть повод для колдовских спектаклей, заблуждение есть средство для сокрытия и мистификации истины. Нелепо видеть в сочинениях Достоевского учебник русской души и русской жизни. Это — яркий колдовской спектакль, разыгрываемый на сцене убогой и унылой русской жизни. Яркость этой лжи о России есть компенсация за серость истины» [Зиновьев, 1983, с. 71].

И лишь только личный опыт страданий, интеллектуального и духовного противостояния глупости и лицемерию открыл Зиновьеву иное понимание феномена Достоевского. Оно по-зиновьевски парадоксально. Наследие Достоевского не в его книгах, а в нём самом, уверен Зиновьев. Вынося за скобки творчество Достоевского (что, конечно, иначе как вызовом и «пощёчиной общественному вкусу» назвать нельзя), он акцентирует внимание на Достоевском как на характерном *явлении русской жизни*, в котором сконцентрировалась вся боль и муки опутанной противоречиями социальности личности.

«С годами я познал нашу русскую жизнь шире и глубже, испытав её на собственной шкуре. И когда я дошёл до того, что стало впору биться головой о стенку и вопить от отчаяния, я отбросил свою прежнюю дурацкую, как стало казаться теперь, концепцию. Нелепо, конечно, видеть в сочинениях Достоевского учебник русской души и русской жизни, — сказал я себе. — Это — нечто совсем иное. Биться головой о стенку и выть от тоски и отчаяния, это не значит описывать жизнь и открывать в ней мудрые истины, если даже делаешь это в литературной форме. Это есть часть самой нашей русской жизни. В России испокон веков умели биться головой о стенку и выть, вопить, кричать, стонать от тоски. И были выдающиеся умельцы на этот счет. И Достоевский — самый выдающийся из них» [Зиновьев, 1983, с. 71].

В такой трактовке феномена Достоевского много автобиографического. Зиновьев выделяет и генерализирует то, что волнует

в этот момент его самого. Он совсем не видит и не чувствует христианской доминанты личности Достоевского. Его Достоевский — это сгусток иррационального протеста, порождённого социальным отчаянием, вулканический выброс негодования на нелепость бытия.

Зиновьев завершает своё эссе «примирением» с Достоевским — принятием его в число своих единомышленников: «Теперь, когда меня спрашивают, что такое Россия и русский человек, я говорю: читайте Достоевского! Но не ищите в его книгах правду о России, ибо он сам по себе есть частица правды. Смотрите, как этот русский человек бился головою о стенку и выл от отчаяния в старой России. Но не думайте, что новая Россия принесла избавление. Почитайте нынешних русских писателей — Владимова, Ерофеева, Николева, Шаламова, Солженицына, Шукшина, Высоцкого… Посмотрите, как они продолжают эту старую русскую традицию в новых условиях, — как они воют от тоски и отчаяния, как они бьются головою о новую и более прочную стену русской реальности!.. Теперь портрет Достоевского висит у меня рядом с портретами моих самых любимых писателей — Лермонтова, Блока и Есенина. Но перечитывать его книги я пока не могу: и без них тошно. Я ему верю и так. Я сам начал становиться специалистом по нашему русскому битью головой о стенку и вою от тоски и отчаяния» [Зиновьев, 1983, с. 71].

Эссе «Легенда о великом страдальце» написано в определённый период жизни Зиновьева, когда, живя в изгнании, он находился в тяжёлом психологическом состоянии, испытывая «полное, леденящее, космическое одиночество» [Зиновьев, 2005, с. 479]. И это, безусловно, сказалось на концепции феномена Достоевского, который был для Зиновьева в этот момент больше отражением собственной судьбы, нежели конкретной культурно-исторической фигурой.

Если посмотреть на творчество Достоевского и Зиновьева, то, на первый взгляд, пожалуй, трудно найти в русской литературе писателей более между собою различных. Уж больно разнятся их стиль, поэтика, образный ряд. Да и сам предмет художественного исследования как будто бы иной: жили писатели в разные исторические эпохи и описывали разные социально-психологические явления. К тому же Зиновьев сам не раз демонстративно отказывался от традиций русской классической литературы, противопоставляя им свой собственный метод *социологического реализма*, всячески под-

чёркивая свою самобытность и непохожесть на предшественников. И однако же весь этот тезис можно признать удовлетворительным лишь на первый взгляд.

Конечно, отрицать очевидные вещи тоже нет смысла. Конечно, Достоевский и Зиновьев — писатели разных эстетических систем. Но суть писательского труда отнюдь не ограничивается эстетикой. Истинный писатель в первую очередь — исследователь мира и человека. Эстетика — важный инструмент в его руках, содержательно значимый, имеющий свою смысловую ценность, однако всегда подчинённый сверхзадаче. Сопоставлять писателей следует именно на этом основании. И вот тут-то и обнаруживается глубинное сходство Достоевского и Зиновьева.

Взяться за перо их побудила неудержимая *страсть к познанию бытия*, *к пониманию его природы и смысла*. В художественной форме они вскрывали глубинные вопросы человеческого существования. Далеко не все творцы одержимы подобной страстью. Для этого необходимо иметь определённый склад ума и характера. Нужно быть сосредоточенным и бесстрашным, готовым к жертвам и испытаниям — плод с Древа Познания стоил Адаму Рая. Достоевский и Зиновьев принадлежат к одному типу творцов — *писателей-мыслителей*.

Юный Достоевский сформулировал своё жизненное кредо предельно чётко: «Человек есть тайна. Её надо разгадать» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 63]. Перефразируя, можно сказать, что кредо Зиновьева могло бы звучать так: «Общество есть тайна. Её нужно разгадать». Общество — специфическая форма существования человека. Вне общества нет человека. Изучение общества суть изучение человека. Зиновьев в своей сосредоточенности на социальных объектах и явлениях идёт вслед за Достоевским, акцентируя проблематику *человека как тайны* в аспекте связей и отношений, возникающих в процессе контактов и взаимодействия людей. Если Достоевский идёт вглубь человеческой личности, то Зиновьев пытается увидеть и понять человека как часть сложного социального организма, который живёт и развивается по определённым законам, возникающим в процессе общения и совместной деятельности отдельных индивидов.

Зиновьев как писатель осознанно не вступал на территорию, освоенную русскими классиками (и в их числе Достоевским). Он не думал ни с кем соперничать и соревноваться, демонстрируя мастерство психологического портрета или точность пейзажа. Как

учёный-исследователь в науке он всегда был первопроходцем, его логические труды носят революционный характер. В литературе Зиновьев тоже торил свой путь. Он был принципиальным новатором. В этом плане он также типологически близок к Достоевскому. Ведь и Достоевский мыслил себя первопроходцем и в искусстве шёл, не столько опираясь на предшественников, сколько опровергая их, открывая совершенно иные законы художественного постижения действительности. По сути, при общей целостности художественного мира Достоевского, каждое его произведение уникально с эстетической точки зрения, каждое — эксперимент и вызов. Достоевский никогда не повторяется, хотя всё время сосредоточен на одном. Так же и Зиновьев, которого в любом тексте можно узнать по двум-трём предложениям и который всегда верен своей проблематике, предельно разнообразен в формах и приёмах организации текстов.

В своё время за романами Достоевского прочно утвердилось понятие «идеологических» — романов, в которых противостояние и борьба различных идей составляют чуть ли не основу сюжета. Действительно, так называемые «герои-идеологи» разворачивают перед своими слушателями и перед читателями целые теории, каждая из которых может составить основу самостоятельной философской доктрины. Однако позиция автора выявляется отнюдь не в форме солидарности с позицией того или иного персонажа, а через сложную систему взаимодействия высказанных идей, характеров, обстоятельств.

Зиновьев также населяет свои произведения бесчисленными идеологами и мыслителями, которые порой попросту носят имена «Теоретик», «Философ», «Социолог». Он, как и Достоевский, постоянно включает в текст своих произведений разнообразные трактаты, статьи, рукописи. Обилие теоретических построений разного рода в текстах Зиновьева ошеломляет. Их стройность и убедительность в процессе их изложения не вызывают сомнений. При этом они часто и намеренно диаметрально противостоят друг другу, вплоть до полного взаимоисключения. Зиновьев буквально дразнит читателя интеллектуальными спекуляциями, выставляя напоказ как их могущество, так и бессилие.

Альтернативу им в произведениях Зиновьева, так же, как и у Достоевского, составляет «живая жизнь» — плоть и кровь бытия. Да, событийная канва его произведений намеренно сильно ослаблена. Ни подвигов, ни преступлений, ни страстей. Зиновьев опи-

сывает мир социального застоя, в котором ничего не происходит. Но отсутствие действия не означает отсутствия жизни. Однообразная повседневность, к которой приковано внимание Зиновьева, медленно, но верно воздействует на людей, и герои Зиновьева, живя в неизменном мире, тем не менее, меняются. А сама жизнь парадоксальным образом, оставаясь привычной и узнаваемой до деталей, постоянно обновляется и преображается. И что бы герои ни думали о ней — в частном ли отношении к своей личной судьбе, или пытаясь охватить мыслью глобальные процессы, — жизнь всегда оказывается больше и значительнее. Всем строем своих произведений Зиновьев доказывает непреодолимую власть жизни, которая неподвластна никаким теориям, которая жёстко диктует свои законы и тут же коварно их разрушает. В этом смысле романы Зиновьева можно было бы даже назвать *анти-идеологическими*.

Психологическая проработка характеров у Зиновьева не столь детальна, как у Достоевского, а порой и вовсе сознательно сведена к нулю, но это не значит, что роль персонажей в произведениях Зиновьева чисто формальная. Полагать так ошибочно. Они отнюдь не статисты или условные маски, хотя Зиновьев часто провоцирует читателя именно на такую интерпретацию своих героев, давая им условные прозвища. Те же «Теоретик», «Философ», «Социолог» и десятки других аналогичных, скорее клички, чем функции. Персонажи Зиновьева наделены индивидуальными чертами и поведением. И хотя утомительно похожи друг на друга, каждый имеет свою судьбу и личность, пусть даже ничтожно проявленные. Именно система персонажей, а не система идей, ими высказываемая, отражает авторскую точку зрения.

Героев Зиновьева нельзя цитировать, выдавая их слова за слова самого Зиновьева, так же как слова героев Достоевского нельзя приписывать самому Достоевскому. Писатели не отвечают за речи своих персонажей. Они их фиксируют и предъявляют миру. Интеллектуальная мощь позволяла Достоевскому и Зиновьеву обрабатывать и концентрированно излагать множество идейных объектов, с которыми им приходилось сталкиваться. Но эти идейные объекты в их изображении всегда личностно окрашены, персонализированы. Для Достоевского и Зиновьева жизнь идей — это жизнь людей. И наоборот.

Герои Достоевского и Зиновьева — всегда герои думающие, формулирующие свои мысли, сообщающие их — устно или пись-

менно. Одни — стилистически изощрённо, логически стройно и доказательно, другие — косноязычно, путанно, нелепо, но каждый — *продуманно и убеждённо*. Гениальные прозрения и избитые банальности пережиты героями Достоевского и Зиновьева лично. Работа их мысли неотрывна от работы души.

У Достоевского герои переживают свои интеллектуальные драмы эмоционально интенсивно — страстно. На виду у всех. Читатель сопричастен кипящей динамике их мыслей. Герои Зиновьева сдержаннее, безучастнее. Ход их интеллектуальной работы читателю не показывается. Их высказывания — уже готовый результат. Но результат выстраданный, сокровенный, добытый личными усилиями. Как у Достоевского, так и у Зиновьева, личность героя неотрывна от его идеи, определяет её, придаёт форму и итоговый смысл.

Свою философскую мысль Достоевский часто выражал в достаточно специфическом для такого типа высказываний жанровом формате детектива, криминальной истории. Но события, движущие сюжет романов Достоевского, как известно, не сводятся только к обстоятельствам преступления и его раскрытия. Содержание романов Достоевского несоизмеримо масштабнее их жанровой оболочки. Нечто подобное мы наблюдаем и у Зиновьева. Только в качестве жанрового носителя философского содержания у него выступает сатира. Именно сатирическое начало удерживает внимание и интерес читателей к сложнейшей интеллектуальной конструкции Зиновьева на протяжении сотен страниц текста. Безусловно, и криминальный сюжет, и сатирический сами по себе наделены большим философским потенциалом, но у Достоевского и Зиновьева жанр также выполняет и сугубо техническую функцию, позволявшую писателям свободно и безоглядно увлекаться своими поисками в разгадке тайн бытия — человека и человеческого сообщества.

Будучи очень разными, Достоевский и Зиновьев, однако же, шли одним путём. Своё исследование тайны человека каждый из них вёл *на национальном материале*. Экзистенциальный, психологический, мистический, религиозный, эмоциональный, интеллектуальный, социальный, политический и экономический опыт русского, и как вариант — советского, человека представлялся им наиболее универсальным и репрезентативным.

И для Достоевского, и для Зиновьева русский человек видится наиболее полноценной фактурой для понимания тайны человека

вообще, как он создан Богом и природой. По их убеждению, и Запад, и Восток накладывают на личность разнообразные ограничения, сужая её и сковывая, выхолащивая различными юридическими (на Западе) или религиозными (на Востоке) правилами и практиками. И только в русском человеке сохранилась первозданная стихийность и полнота жизни. И именно поэтому он представляет первостепенный интерес для писателей. Это специфическое русофильство, подчёркнутый *россиецентризм* являются характерными чертами стратегии художественного исследования человека, как у Достоевского, так и у Зиновьева.

При этом утверждаемая Достоевским и Зиновьевым универсальность личности русского человека, не является для них синонимом совершенства или расового превосходства. Ни Достоевский, ни Зиновьев, будучи горячими и искренними патриотами, никогда не впадали в пустое славословие и восхваления русского человека. Они прекрасно видели все недостатки и слабости его, все бездны греха и порока, в которые он готов погрузиться. Но в этих безднах, как и в безднах святости и благочестия, также притягательных для русского человека, они находили ту изначальную *полноту* человеческой личности, которая восхищала и ужасала их, приковывала их внимание, от которой не могли они отвести глаз, о которой непрерывно думали и писали, мучаясь и вдохновляясь.

Россиецентризм Достоевского и Зиновьева не был умозрительным. Он сформировался на основе личного опыта. Увидеть Россию Достоевскому помогла каторга, давшая ему прививку от каких-либо иллюзий. «Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его», — писал Достоевский брату по выходе из острога [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 173]. Зиновьев — крестьянский сын, получивший интеллектуальную обработку в московской школе 1930-х годов, — свой университет русского народа прошёл в годы Великой Отечественной войны, и так же не питал иллюзий.

Но не было иллюзий и относительно Запада. Вернее, они рассеялись при более тесном контакте писателей с западным миром. Оба они попали в Европу (Зиновьеву довелось быть и некоторое время жить также и в Америке) достаточно поздно. Из книг и газет они имели достаточное представление о западной цивилизации, более того, были воспитаны на европейских образцах, высоко ценили европейскую культуру — литературу, живопись, музыку, архитек-

туру. На раннем этапе биографии каждого именно западные теории и идеи вызывали их интерес и побуждали к действию.

О встрече с Европой они мечтали. И поначалу она была радостной. Впрочем, довольно быстро пришло понимание принципиальной чуждости западной жизни. Наступил этап осмысления и переоценки, сопоставлений и параллелей. В «Зимних заметках о летних впечатлениях», в «Идиоте», в статьях «Дневника писателя» Достоевского, в «Исповеди отщепенца», в «Глобальном человейнике», в книгах «Запад. Феномен западнизма», «Распутье», «Фактор понимания» Зиновьева русский миф о Западной Европе, в течение нескольких столетий передаваемый из поколения в поколение просвещёнными либералами, скорректирован самым решительным образом.

Оказалось, что при всём внешнем блеске Запад вовсе не идеал человеческого жизнеустройства, что великая духовная работа, проделанная выдающимися творцами и мыслителями Европы, осталась в прошлом, растворившись в буржуазной идеологии умеренности и комфорта, толерантности и пошлости, что культура утратила свою духовную основу, превратившись в голую форму, подвластную любому ремесленнику.

Оказалось, что при всей убогости своего быта Россия вовсе не косная, отсталая страна, что социальные и нравственные ориентиры, которыми руководствуется народ, обладают колоссальным потенциалом развития и преображения действительности, способны побуждать к трудам и подвигам, что в страданиях и испытаниях сохраняется живая жизнь.

Встреча с реальным Западом для каждого стала серьёзным идейным и человеческим испытанием. Им казалось, что они ко всему готовы. В интервью, данном радио «Свобода» в связи с первым годом своего пребывания на Западе, Зиновьев говорил: «Принципиально нового и неожиданного я здесь для себя ничего не увидел. Запад таков, как я и ожидал» [Зиновьев, 1979, с. 118]. Не могли они предвидеть только одного, как оказалось для них, — самого существенного. А именно *отношения Запада к России*. Увлечённые вопросом отношения России к Западу, о встречном взгляде они, казалось, даже не думали, и были ошеломлены тотальной ложью и неприятием России, которые укоренены во взглядах европейцев.

Примечательно в этом смысле письмо Достоевского к одному европейскому издателю, написанное в середине 1868 года в Веве

(сохранился черновик) в связи с выходом в свет книги Пауля Гримма «Les mystères du Palais des Czars (Sous l'Empereur Nicolas I)», в которой Достоевский обнаружил клевету на себя. Он пишет: «Вот уже год как я живу в Швейцарии. Выезжая прежде из России за границу, я только проезжал мимо, путешествовал. Теперь же первый раз поселился на месте <...>. Таким образом, в первый раз в моей жизни заметил во всей силе многое из того, чего бы мне и в голову не пришло, если б я только проезжал путешественником.

Между прочим, меня чрезвычайно поразило необыкновенное незнание европейцев почти во всём, касающемся России. Люди, называющие себя образованными и цивилизованными, готовы часто с необычайным легкомыслием судить о русской жизни, не зная не только условий нашей цивилизации, но даже, например, географии <...>. Замечу только, что самые дикие и необычайные известия из современной жизни России находят в публике полную и самую наивную веру. <...>

Всем известно, что есть в Европе несколько периодических изданий, почти специально назначенных ко вреду России. Не прекращается тоже в разных краях Европы и появление отдельных сочинений с тою же целью. <...>

Кроме того, в массах европейской публики распространяются ложные, искаженные, мнения и тем сильнее, чем малоизвестнее европейцам русская жизнь <...>» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_2, с. 314–315].

Сравним. Сто пятнадцать лет спустя, в 1983 году, Зиновьев напишет: «Теперь, досыта наглядевшись на чудовищно нелепые представления на Западе о русском человеке и о России, я понял, что Запад вообще предпочитает ложь о России истине» [Зиновьев, 1983, с. 70]. Зиновьев систематически будет повторять эту мысль и в своих социологических исследованиях Запада, и в многочисленных интервью и статьях 1990-х – 2000-х годов. Никакая «перестройка» не перестроила отношения Запада к России. «Оттепели» «холодная война» не предполагала, ибо велась не против коммунизма, а против России, до её полного уничтожения. Именно Зиновьев первым среди разнородных оппонентов советской власти понял трагизм ситуации, признав: «Целили в коммунизм, а попали в Россию».

В беседе с О. Назаровым 2001 года для интернет-портала телепередачи «Умники и умницы» Зиновьев обращал внимание молодых российских интеллектуалов: «Весь период “холодной во-

йны” идеологическим врагом для западного мира был коммунизм. Коммунизм разгромили, но теперь опять нужен всеобщий образ врага. И они об этом говорят, зачастую открыто, а образ врага изобретается. Место коммунистов отчасти заняли мы, русские. Во всем западном мире — сильнейшая русофобия. И хотя об этом прямо не говорят, но фактически из нас, русских, сделали образ мирового врага. Врага для западного мира» [Зиновьев, 2001].

Непонимание, откровенная русофобия западных политических элит и медиа, неизменная во все времена, ещё больше убеждали как Достоевского, так и Зиновьева в верности избранного ими *российского вектора* их исследований и художественных поисков. Показательно, что именно он принёс им положительный результат (каким бы страшным и трагичным он ни был в иных случаях). Именно он дал им необходимую творческую свободу и смелость.

Русский вектор, как и предчувствовал Достоевский в «Пушкинской речи», оказался и общечеловеческим. Феномен Зиновьева, крупнейшего русского мыслителя XX века, признанного в России и на Западе, тому убедительное подтверждение.

В заключение хочется обратить внимание ещё на одну важную черту, роднящую Достоевского и Зиновьева, а именно *устремлённость их взгляда в будущее*. Пожалуй, никого из русских писателей так не волновали судьбы России и человечества, никто, кроме них, с такой пристальностью не вглядывался в живую плоть жизни, выхватывая в ней ростки нового, пытаясь предсказать вектор развития, обозначить зарождающиеся тенденции, предупредить о возможных опасностях и уклонениях. Оба предвидели и писали о грядущих социальных потрясениях. Оба мужественно смотрели правде в глаза, не теша себя и своих читателей сказками о «светлом будущем». Вспомним апокалипсический сон Раскольникова в «Эпилоге» «Преступления и наказания», «Бесы», «Сон смешного человека», «Великого инквизитора» Достоевского, «Зияющие высоты» и «Глобальный человейник» Зиновьева.

Их неутешительные прогнозы современники встречали недоумением, если не злобой или смехом. «Люди упорно не хотят слушать правду, когда она актуальна, — с печалью констатировал Зиновьев в одном частном письме. —Они признают её постфактум, когда она теряет смысл, причём — признают, чтобы помешать новой актуальной правде» (цит. по: [Фокин, 2016, с. 254]). Но даже это

не останавливало Достоевского и Зиновьева в их скорбном труде пророков.

Как мыслители — знатоки и аналитики человеческой натуры и поведения — Достоевский и Зиновьев рисовали безрадужные перспективы. Их упрекали в мрачности и пессимизме. Но пессимистами они не были, и как художники — знатоки и аналитики человеческой натуры и поведения — противопоставляли знанию — *мечту*. Мечту о положительно прекрасном, без которой жизнь невозможна.

Несмотря на разницу в религиозных суждениях — Достоевский, несмотря на смущения и уклонения молодости, всю жизнь был православным христианином; Зиновьев, который по традиции был в детстве крещён, но рос и воспитывался в атеистическом советском государстве, называя себя «верующим безбожником», — оба идеалом человеческой личности признавали Христа. Каждый предпринял опыт художественного исследования возможности появления христоподобной личности в конкретных обстоятельствах современной для каждого России: таковы князь Мышкин («Идиот») и Алёша Карамазов («Братья Карамазовы») у Достоевского, Иван Лаптев («Иди на Голгофу») и Андрей Горев («Живи»).

«Тот идеал личности, который в той или иной форме и мере разделяют мои герои, не соответствует условиям коммунистического общества, — разъяснял свой замысел Зиновьев в первоначальной редакции автобиографического повествования “Исповедь отщепенца”. — Мои герои терпят жизненный крах. Но я тем самым не призываю читателей отказаться от борьбы за этот идеал личности. Я хочу лишь показать, что коммунистическое общество ещё в начале своего исторического пути, что борьба за мой идеал личности ещё только начинается, что нужно историческое время, чтобы отдельные исключительные одиночки смогли приблизиться к нему, что попытки осуществления его неизбежны без жертв. Надо быть готовым к жертвенности. Более того, надо завоевать ещё более примитивное условие — самое возможность пойти на жертву. Жизнь человеческая — мгновение. Жертва, о которой идёт речь, стоит того, чтобы пойти на неё» (цит. по: [Фокин, 2016, с. 481]). С очевидными коррективами под этими словами мог бы подписаться и Достоевский.

Борьба за идеал через жертвенное служение ему личным ежедневным трудом, неотступное практическое следование ему — вот смысл деятельности и «символ веры» русских пророков

Достоевского и Зиновьева. Параллели и пересечения их идейного и этического наследий результат напряжённой, неугасающей жизни *русской думы* — бесстрашной и возвышенной.

Список литературы

1. Васильев, 2023 — *Васильев Г.Е.* Современная актуализация «глобального человейника» // Зиновьевские чтения «Я глубоко русский человек...» (к 100-летию А.А. Зиновьева) / ред.-сост. А.В. Зябликов. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2023. С. 21–25.

2. Даренский, 2022 — *Даренский В.Ю.* А.А. Зиновьев как экзистенциалист // Respublica Literaria. 2022. Т. 3, № 3. С. 118–126.

3. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

4. Зиновьев, 1979 — *Зиновьев А.А.* Год на Западе (интервью радио «Свобода») // Без иллюзий. Lausanne: L'Age D'Homme, 1979. С. 117–123.

5. Зиновьев, 1983 — *Зиновьев А.А.* Легенда о великом страдальце // Ни свободы, ни равенства, ни братства: Статьи, публичные выступления и отрывки из выступлений в 1980–1981 гг. Lausanne: L'Age D'Homme, 1983. С. 70–71.

6. Зиновьев, 2001 — *Зиновьев А.А.* Александр Зиновьев: о западе и западнизме (интервью) // Умники и умницы. URL: https://umniki.ru/any.php?func=show_article&article_id=1501 (дата обращения: 02.06.2024).

7. Зиновьев, 2005 — *Зиновьев А.А.* Исповедь отщепенца. М.: Вагриус, 2005. 554 с.

8. Зябликов, 2023 — *Зябликов А.В.* Александр Зиновьев: тайна сбывающихся пророчеств // Интеллигенция и интеллектуалы: дискуссионные вопросы изучения. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2023. С. 14–20.

9. Пониматели России, 2023 — Пониматели России: Достоевский, Бердяев, Зиновьев. Триалог: П.Е. Фокин, Л.В. Поляков, А.Ю. Ашкеров // Тетради по консерватизму: Альманах. М.: Фонд ИСЭПИ. 2023. № 1. С. 173–191.

10. Фокин, 2016 — *Фокин П.Е.* Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый. М.: Молодая гвардия, 2016. 752 с.

References

1. Vasiliev, G.E. “Sovremennaia aktualisatsiia ‘globalnogo cheloveinika’” [“Modern Actualization of the ‘Global Humanthill’”]. Zyablikov, A.V., editor. *Zinovievskie chteniia “Ia gluboko russkii chelovek...” (k 100-letiu A.A. Zinovieva)* [*Zinoviev Readings ‘I Am Deeply Russian...’*]. Kostroma, Kostromskoi gosudarstvennyi universitet Publ., 2023, pp. 21–25. (In Russ.)

2. Darenskii, V.I. “A.A. Zinoviev kak ekzistenzialist” [“A.A. Zinoviev as an Existentialist”]. *Respublica Literaria*, no. 3, 2022, pp. 118–126. (In Russ.)

3. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

4. Zinoviev, A.A. “God na Zapade (interv’iu radio ‘Svoboda’)” [“A Year in the West (An Interview to Radio Liberty)”]. Zinoviev, A.A. *Bez illuzii* [*With No Illusion*]. Lausanne, L’Age D’Homme Publ., 1979, pp. 117–123. (In Russ.)

5. Zinoviev, A.A. “Legenda o velikom stradaltse” [“The Legend of the Great Sufferer”]. Zinoviev, A.A. *Ni svobody, ni ravenstva, ni bratstva* [*Neither Liberty, Nor Equality, Nor Fraternity*]. Lausanne, L’Age D’Homme, 1983, pp. 70–71. (In Russ.)

6. Zinoviev, A.A. “O zapade i zapadnizme” [“About the West and Westernism”]. umniki.ru. Available at: https://umniki.ru/any.php?func=show_article&article_id=1501 (Accessed 02 June 2024) (In Russ.)

7. Zinoviev, A.A. *Ispoved’ otshchepenza* [*Confessions of a Renegade*]. Moscow, Vagrius Publ., 2005. 554 p. (In Russ.)

8. Zyablikov, A.V. “Alexandr Zinoviev: taina sbyvaiushcihsia prorochestv” [“Alexandr Zinoviev: The Secret of Prophecies Coming True”]. *Intelligentsiia i intellektualy: diskussionnye voprosy izucheniia* [*Intelligentsiia and Intellectuals: Questions of Studies*]. Ivanovo, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2023, pp. 14–20. (In Russ.)

9. “Ponimateli Rossii: Dostoevskii, Berdiaev, Zinoviev. Trialog: Fokin, P.E., Poliakov, L.V., Aschkerov, A.Ju.” [“Understanders of Russia: Dostoevsky, Berdyaev, Zinoviev. The Trialogue: Fokin, P.E., Polyakov, L.V., Aschkerov, A.Yu.”]. *Tetradi po konservatismu: Almanakh*, no. 1, 2023, pp. 173–191. (In Russ.)

10. Fokin, P.E. *Aleksandr Zinoviev. Prometei otvergnutyi* [*Alexander Zinoviev. Prometheus the Rejected*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2016. 752 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 04.06.2024
Одобрена после рецензирования: 15.06.2024
Дата публикации: 25.09.2024

The article was submitted: 04 June 2024
Approved after reviewing: 15 June 2024
Date of publication: 25 Sept. 2024